

2. *Гарбузова Г. В.* Эмпирические критерии формирования профессиональной идентичности студентов // Управление общественными и экономическими системами: электрон. науч. журн. 2007. № 1. URL: <http://www.bali.ostu.ru/umc>

3. *Дружилов С. А.* Профессионалы и профессионализм в новой реальности: психологические механизмы и проблемы формирования // Сибирь. Философия. Образование : альм. СО РАО. Новокузнецк, 2001. Вып. 5. С. 46–56.

4. *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Перспективы профессионализации российских врачей в трансформирующемся обществе // СОЦИС. 2005. № 1. С. 66–77.

5. *Меламед Д. А.* Социально-психологические особенности учебно-профессиональной мотивации студентов // Психологическая наука и образование : электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: <http://www.psyedu.ru/journal/2011/2/2116.phtml>

6. Пресс-выпуск ВЦИОМ, № 1331 от 07.10. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wciom.ru>

Статья поступила в редакцию 25.05.2012 г.

УДК 378.115.15 + 342.722 + 32.001

О. Р. Белова
Ю. Р. Вишнеvский

ГРАЖДАНСКИЙ ВЫБОР СТУДЕНЧЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена исследованию гражданской культуры современного студенчества Свердловской области. Динамическое измерение данного феномена проводилось в рамках мониторинговых исследований с 1995 по 2012 г. Рассмотрены динамика политической активности, мотивы аполитичности, идеологические ориентации, правовое сознание студентов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданская культура, гражданственность, измерения культуры гражданственности (аксиологическое, гносеологическое, праксиологическое), политический компонент культуры гражданственности, политическая активность, гражданская активность, мотивы аполитичности, свобода, демократия, законность.

В рамках мониторинга студенчества Свердловской области¹ серьезное внимание уделялось становлению его гражданской культуры, системы ценностей, связанных с правами и свободами граждан. Гражданская культура характеризует гражданское общество не с точки зрения его институционального устрой-

¹ Проведено 6 этапов (1995–2012 гг.). На 6-м этапе в 2012 г. объем выборки составил 1802 студента 3-го курса 14 вузов Свердловской области.

БЕЛОВА Ольга Рудольфовна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: ksoc@mail.ustu.ru; soc_stu@e1.ru)

ВИШНЕВСКИЙ Юрий Рудольфович — доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: ksoc@mail.ustu.ru; soc_stu@e1.ru).

© Белова О. Р., Вишнеvский Ю. Р., 2012

ства, а с точки зрения способов деятельности людей. И в этом смысле можно сказать, что без определенного уровня гражданской культуры, проявляющегося в традициях, стереотипах, привычных способах деятельности, гражданское общество невозможно. Без этих характеристик общество, претендующее на то, чтобы быть гражданским, является лишь его формальным подобием.

Что же представляет собой гражданская культура как понятие и как социокультурный феномен? *Гражданственность* как характеристика личностной культуры является универсальной характеристикой, т. е. проявляющейся во всем спектре социальных контактов (взаимодействий, связей) личности. В данном случае можно говорить, что культура гражданственности соответствует уровню, состоянию культуры личности в целом, и ей противостоят негражданственные культуры: подданническая, авторитарная. Но культура личности в целом шире культуры гражданственности, так как содержит многие элементы, не относящиеся к гражданскому состоянию (например: предпочтения в художественной культуре, технологические или научные знания, религиозные представления). Такие элементы выводятся за пределы культуры гражданственности. Культура гражданственности отличается от других аспектов гражданского состояния личности: формально-юридического статуса гражданина, гражданственности, понимаемой как социальный институт. Культура гражданственности не сводится к гражданской идентификации, политическому или неполитическому участию и т. д., но выступает по отношению к ним как общее понятие, характеризующее личность гражданина в целом.

Аксиологическое (ценностное) измерение гражданской культуры фокусируется на анализе определенных — гражданских — ценностей и представляет личность в качестве носителя специфической системы ценностных ориентаций и сформированных на их основе предпочтений и убеждений. Гражданин, рассматриваемый в контексте культуры, характеризуется особой позицией по отношению к социальным проблемам и состоянию общества в целом, к своей роли в общественном процессе, а также особым восприятием других участников общественного процесса, особой оценкой своих и чужих поступков.

Гносеологическое (информационное) измерение культуры гражданственности обращает внимание на усвоение индивидом знаний, необходимых для самореализации в качестве полноправного гражданина. В самом общем виде это знания о принципах функционирования социальной системы, о правах и обязанностях, о нормах поведения, о свободах и т. д. Приобщаясь к культуре гражданственности, личность приобретает специфическую когнитивную и коммуникативную компетентность, формирует особое мировоззрение, способность толковать и определять ситуации с точки зрения гражданственности.

Праксиологическое измерение культуры гражданственности обращает внимание на то, что гражданское общество характеризуется особым состоянием системы коммуникаций, гражданской активностью его представителей, определенной практикой общественных отношений, поведением индивидов. Исходя из этого, формирование культуры гражданственности на праксиологическом уровне определяется характеристиками социальной активности личности. Важным элементом гражданской культуры, своеобразным ее стержнем,

формирующим основные принципы политического участия, взаимоотношений между различными группами и слоями общества, отдельными гражданами, является ее политический компонент.

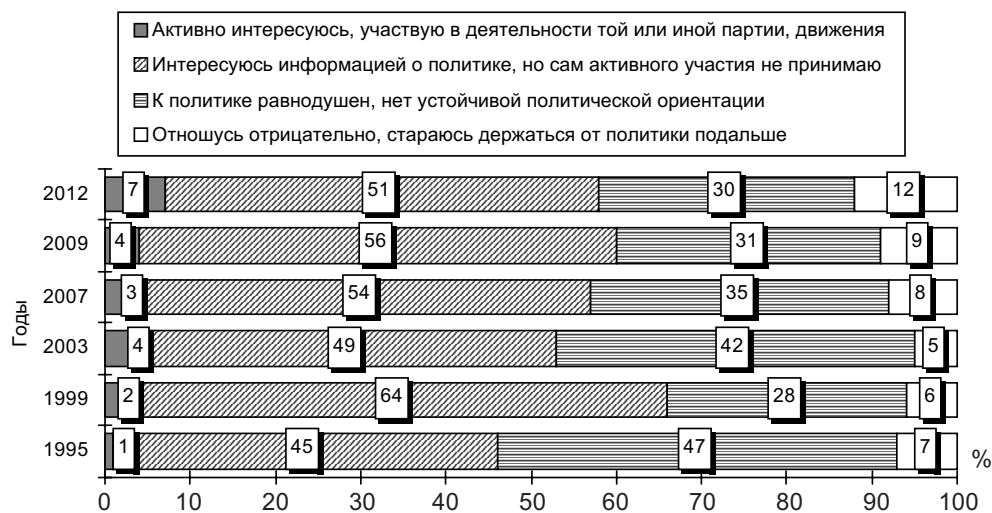
В чем же заключается *специфика политического компонента* культуры гражданственности? Одной из главных ценностей культуры гражданственности является свобода (гражданское общество противопоставляется другим типам социальной организации именно как свободное общество). Основные сущностные характеристики свободы и этапы ее осуществления: выбор, решение, ответственность; что подразумевает наличие не только внешних (открытость социальной системы, наличие множества альтернатив жизненного пути), но и внутренних условий. К внутренним условиям осуществления свободы можно отнести следующие: наличие у человека убеждения в своей самостоятельности, суверенности, независимости — в том, что он сам решает свою судьбу; критическое отношение к сложившимся догмам, стереотипам массового поведения; готовность идти на оправданный, продуманный, основанный на высоком профессионализме риск; осознание меры ответственности за свой выбор; предвидение не только ближних, но и дальних перспектив [6, 98–99].

Одна из важнейших ценностных ориентаций культуры гражданственности — ориентация на гражданскую активность. Вместо того чтобы быть носителем или получателем гражданских прав и свобод, активный гражданин сопоставляет общественное благосостояние со своим собственным, находит баланс между выгодами и ущербом, ориентируется на права, потребности и нужды других людей и рассматривает ответственность, обязанности как продолжение прав. Активность — следствие ощущения хрупкости достигнутого уровня политического, правового и (только затем) экономического благосостояния. Общество не может быть воплощением свободы, справедливости и других ценностей, оно может быть только более свободным, более справедливым, чем раньше, чем другие.

Политический компонент культуры гражданственности тесно связан с ее *правовым компонентом*, как связаны между собой и тесно переплетены политические и правовые идеи, политическое и правовое сознание, политическая и правовая культуры. Правовая культура узаконивает гражданское общество теоретически, а политическая культура делает его возможным, осмысляя его идеологически и воплощая организационно-практически [5, 53]. В то же время основные ценности гражданского общества, представленные на политическом уровне культуры гражданственности в виде идеологии, получают нормативное выражение в праве и вызывают особое отношение к закону, который становится тем более ценен, что он не устанавливается извне, а учреждается самими гражданами. Правовой элемент культуры гражданственности характеризуется уважительным отношением к закону как к способу организации общественной жизни.

Каковы же тенденции развития гражданской культуры студентов свердловских вузов за время мониторинга?

Уже первые этапы мониторинга показали уменьшение доли негативных оценок политических изменений в России (см. рисунок). Общая стабилизация политической ситуации начиная с 2000–2001 гг. отразилась и на социально-

Динамика отношения студентов к политике

политических настроениях студенчества. И тем важнее выявить, как сказался на них мировой финансово-экономический кризис, его социальные последствия (5-й этап — 2009 г.), как отразился на формировании гражданской культуры студенчества всплеск протестной активности (6-й этап проходил в период между выборами депутатов Государственной думы и выборами Президента РФ). Исходный момент такого изучения — анализ отношения к политике.

Какой же тип отношения к политике выбирают наши респонденты? По итогам первых пяти этапов (1995–2009) были зафиксированы общие тенденции. Инерционность политической культуры студенчества проявилась в устойчивости этих тенденций, на них не очень сказались даже последствия финансово-экономического кризиса:

— политика не является приоритетной сферой интересов и потребностей молодежи (характерно сравнение ответов студентов в 2007 и 2009 гг.: в целом отношение к политике мало изменилось; при этом несколько вырос интерес к политической информации, меньше стало равнодушных к политике, но чуть больше стало относящихся к ней негативно);

— интерес студенческой молодежи к политике носит в основном ситуативный характер, она не безразлична к конкретным политическим событиям в стране, регионе, но политическая заинтересованность проявляется у нее избирательно (от случая к случаю). Основная форма интереса молодежи к политике сегодня — информационная. Выявилась несостоятельность распространенного в последние годы стереотипа, когда пассивное отношение молодежи к политике переносилось и на интерес к информации о политике;

— крайние позиции (активизм — негативизм) изменялись незначительно и в противоположных направлениях. Доля тех, кто активно участвует в политической деятельности различных партий и движений, устойчиво составляла 3–4 %, что соответствовало уровню развитых стран, отражая становление (медленное, но верное) деполитизированного гражданского общества.

И тем показательнее изменения, отражающие всплеск протестной активности и общества в целом, и студенчества в частности. На 6-м этапе заметен рост (в 1,8 раза) доли тех, кто — по их самооценкам — активно участвует в политической жизни (в том числе — в деятельности политических партий, объединений). Одновременно (в 1,3 раза) выросла и доля тех, кто негативно относится к политике. Произошло определенное размежевание по отношению к политике, хотя момент активизации не стоит преувеличивать. В дальнейшем можно будет определить, является ли это перспективной тенденцией.

Завершая анализ отношения студенчества к политике, вновь отметим сложность, противоречивость, парадоксальность молодежного политического сознания [2, 26–36]. Действительно, интерес к информации о политике у мужчин несколько больше, чем у женщин (соответственно, и меньше равнодушных). Но у «гуманитариев» и «экономистов» (хотя среди них удельный вес женщин больше) он выше, чем у технарей и естественников. Аналогичные несовпадения характеризуют и ответы студентов разных вузов, где состав по полу или доля разных профилей обучения проявляются далеко не однозначно.

Представление о корнях этой парадоксальности дает анализ мотивов аполитичности студенчества. Аполитичность значительной части молодежи выступает следствием и крушения традиционных идеологических стереотипов, и неприятия молодыми людьми новых попыток манипулировать ими для достижения политических выгод и целей. Аполитичность не может рассматриваться однозначно. Аполитичность, прежде всего, — неприятие политики в традиционном, классово-управленческом, надличностном виде. Это важно учитывать при оценке современной социально-политической ситуации и ориентаций людей. Начало реформ 1990-х гг. породило иллюзию смены «плохой» политики и «плохих» политиков новыми, «хорошими». И действительно, произошло немало позитивных изменений. Но драматизм ситуации — в сохранении многих черт отчужденности человека от властных структур. Многие современные политики, даже демократически настроенные, не смогли вырваться из плена стереотипа: власть — «основной вопрос революции», да и всей общественной жизни. А средства массовой информации — пусть и с разных позиций — пытаются навязать эти правила игры общественному мнению. Но эти игры во властных структурах (значимые для самих «игроков») в общественном сознании воспринимаются как нечто далекое от насущных жизненных интересов людей.

Долгие годы у советских людей формировали, и небезрезультатно, стереотип, что все должны принимать (или, во всяком случае, стремиться к этому) активное участие в политике, что политика — высшая сфера жизни общества и человеческой деятельности. Некоторые политики даже объявляли политику наиболее творческим видом деятельности. Человек, не принимавший активного участия в политике, считался отсталым, аполитичность рассматривалась как свидетельство неразвитости. Постоянно вспоминалось, что в переводе с греческого *идиот* — значит не интересующийся делами полиса, т. е., другими словами, аполитичный = идиот. Еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. аполитичность рассматривалась как однозначно отрицательное явление, с которым надо

было «бороться». В годы перестройки аполитичность начинает рассматриваться как индикатор кризиса идеологии тоталитаризма. Сегодня она приобретает новый смысл. Речь идет уже об утрате доверия и разочаровании в новых демократических ценностях и идеалах. А что за этим? Прежде всего — осознание (после десятилетий суперполитизации и идеологизации общества) простой истины: для большинства граждан политика и не должна быть главной сферой их жизни. Одновременно важно понимать и другое: присущие людям политические (и иные) стереотипы — это реальность; поэтому политики должны их учитывать. Как ни парадоксально, аполитичность может рассматриваться и как признак становления гражданского общества. Ведь для гражданина такого общества участие или неучастие в политике — результат личного выбора, а не следование внешним требованиям. В гражданском обществе вмешательство политики в жизнь человека ограничено. Тотальный контроль извне, когда властные структуры определяют, что можно и что нельзя, сменяется внутренним самоконтролем личности: что она может и чего она не должна делать. И еще один момент — аполитичность не тождественна гражданственности. В ней есть и негативный аспект — отказ от участия в любой политике. И тем самым — безразличие к судьбам общества. Но если верно, что не каждый должен непосредственно участвовать в политике, то столь же верно и другое, что не может быть демократическим обществом, в котором большинство аполитично. «Обществу, — по оценке Р. Дарендорфа, — смирившегося с длительным существованием внутри него группы, по-настоящему в нем не заинтересованной, угрожает опасность. Это означает, что класс большинства отныне не уверен в устойчивости своего положения. Он устанавливает границы там, где их быть не должно, и колеблется, когда дело доходит до соблюдения правил, придуманных им же самим» [4, 241–242].

Какова же динамика мотивации аполитичности за годы мониторинга? Чтобы оценить изменения, происшедшие в мотивации в 2012 г., стоит воспроизвести сопоставление мотивов на двух предшествовавших этапах мониторинга. На этапе «Студент-2009», в частности, отмечалось, что за два года (2007–2009) при незначительности изменений в оценке отдельных мотивов сохранилась структура мотивации, ее приоритеты. В мотивации аполитичности переплетаются субъективные и объективные факторы.

С одной стороны — отсутствие интереса к политике (в 2009 г. отметил каждый третий, в 2007 г. — каждый четвертый), слабая осведомленность о политической жизни (каждый пятый), наличие других интересов (в 2007 г. — каждый четвертый, в 2009 г. — каждый пятый); с другой — реальное качество российской политической жизни. Именно этим в значительной степени и определяется политическая пассивность и аполитичность студенческой молодежи. Каждый третий респондент не уверен, что его личное участие может как-то повлиять на принимаемые политические решения. У каждого четвертого это дополняется недоверием к политикам. Сохраняется (хотя за годы мониторинга и несколько уменьшилось) отношение к политике как к «грязному делу». В результатах мониторинга обращает внимание, что на первый план в оценках респондентов (которые в силу специфики вопроса выступают как своеобразные

эксперты) выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а недоверие к политикам и — главное — неуверенность, что личное участие может иметь значение. В интерпретации этой неуверенности можно (ссылаясь на предыдущие исследования) выделить ряд аспектов. Она, конечно, отражает реальную политическую отчужденность многих молодых людей. Но все чаще — особенно среди студенчества — приобретает форму неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности, в данном случае — в политической сфере (табл. 1).

Таблица 1

Мотивы аполитичности молодых людей, % от ответов

Варианты ответов	2007	2009	2012
Неуверенность, что личное участие может иметь значение	35	30	40
Отсутствие интереса к политике	25	30	37
Недоверие к политикам, низкий престиж их у молодежи	25	25	31
Наличие других интересов	25	21	20
Слабая осведомленность о политическом процессе	19	20	25
Безразличие к политике (она далека от жизненных проблем)	16	16	19
Политика — грязное дело, нужно быть от нее подальше	12	10	17

Всплеск политической активности на рубеже 2011 и 2012 гг. вызвал своеобразную «активность респондентов»: возросло число респондентов, отметивших тот или иной параметр. По сравнению с 2009 г. возросла доля молодых людей, соотносящих аполитичность с неуверенностью (что личное участие может иметь значение) — в 1,3 раза; с отсутствием интереса к политике — в 1,2 раза; с недоверием к политикам, низким престижем их у молодежи — в 1,2 раза; со слабой осведомленностью о политическом процессе — в 1,3 раза; с безразличием к политике (так как она далека от жизненных проблем) — в 1,2 раза; с представлением, что «политика — грязное дело», со стремлением быть от нее подальше — в 1,7 раза. Лишь по параметру «наличие других интересов» доля респондентов (каждый пятый) не изменилась.

И все-таки, несмотря на отмеченные изменения, структура мотивации аполитичности практически мало изменилась, показав свою устойчивость. А это означает, что дело не в какой-то априорной «аполитичности молодежи», как нередко утверждается политиками и правой, и центристской, и левой направленности. Главное — и это отражает растущую политическую активность молодежи (особенно — студенческой), — насколько реальная политическая жизнь позволяет (или не позволяет) ей почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или не вызывают) ее доверие, защищают (или не защищают) ее жизненные интересы (в данном случае перекося почти всех политических сил России в предвыборных ориентациях на электорат более старшего возраста весьма показателен), подтверждают (или опровергают) стереотип «политика — грязное дело».

Аполитичность части молодежи сегодня связана и с иллюзорностью ожиданий от демократии быстрых и позитивных изменений. Но уже с ранних этапов демократизации нашего общества важно понять: демократия несовершенна, она — процесс; преодоление тоталитаризма и авторитаризма — это отказ не только от произвола и всеилия власти, но и от стереотипа — «политика — дело каждого». Опросы молодых показывают: многие уже преодолели данный стереотип. Но — важный вывод «горячей зимы» 2012 г. — среди студенческой молодежи нарастает стремление быть самостоятельным участником политической жизни. И это движение от безликого «политика — дело каждого» к лично окрашенному «политика — мое дело», «дело моего выбора» — примечательный итог 6-го этапа мониторинга.

Для более глубокого понимания отношения студентов к политике, их гражданских позиций, характера и содержания их гражданской культуры важно выявить их идеологические позиции. Крушение идеологий, ценностей, идеалов порождает «идеологический вакуум», что вызывает дезориентацию людей. Они не знают, во что им верить, на какие ценности ориентироваться. Именно такое состояние возникло в период перестройки и последующих реформ в нашем обществе. Но оно приходит в противоречие с необходимостью активного участия людей в социальном обновлении общества. И не случайно, как попытка найти выход из ситуации, получают распространение идеи «реидеологизации» («ре» — возрождение). В них подчеркивается ценностно-ориентирующая роль идеологии. Она рассматривается как способность каждого человека решать проблемы. Но и этот подход не лишен ограниченности: недооценивается, что в идеологиях так или иначе выражаются интересы различных слоев, социальных групп, общностей. В обществе, где существуют и резко усиливаются социальная дифференциация и расслоение, надежды на новую идеологию — «общечеловеческие ценности» — оказались очередной утопией.

С учетом сказанного крайне важно, чтобы в рамках изучения различных (особенно — гуманитарных) дисциплин реализовывался идеологический плюрализм, чтобы ученые усиливали научность, качество проводимых исследований, стремясь дать как можно более объективную картину социальных процессов в обществе. Конечно, нужно видеть и то, что идеологический плюрализм, многообразие позиций, мнений, оценок, рекомендаций и прогнозов ученых может по-разному сказаться на отношении к науке со стороны людей и властей, особенно с учетом многолетней привычки к идеологическому однообразию и попытками утвердить его в новой форме.

Каковы же самооценки участников мониторинга по поводу их идеологических ориентаций?

За годы мониторинга осталось неизменным главное — более половины респондентов (в 2012 г. — 3 из каждых 5) или не имеют четких ориентаций, или не придерживаются никакой идеологии. Результаты последних этапов мониторинга во многом сходны и отличаются лишь акцентами на ту или иную позицию. Но сами эти акценты не касаются общей картины (табл. 2).

Более того, политический всплеск зимы 2011/12 гг. фактически не привел к бóльшей идеологической определенности. Сокращение доли ориентированных

Таблица 2

Каковы ваши идеологические ориентации? (%)

Варианты ответов	2007	2009	2012
Я не придерживаюсь какой-то определенной идеологии	35	32	36
Я за особый (российский) путь развития	24	21	15
У меня нет четких ориентаций	23	27	27
Сторонник либеральных рыночных реформ	15	14	14
Меня привлекают идеи социализма	3	4	8

на особый (российский) путь развития (за 2009–2012 гг. — в 1,4 раза) и даже рост доли тех, кого привлекают идеи социализма (в 2 раза), не изменили структуру идеологических ориентаций. Но проявились и некоторые новые тенденции. Вряд ли возможно полное отсутствие каких-либо гражданских позиций, хотя бы и на уровне обыденного сознания. Но если понимать под идеологией систему рационально осмысленных социально-политических ценностей, то ответы респондентов выглядят вполне правдоподобными. Лишь 2 из 5 респондентов (на последних этапах мониторинга) более-менее четко определились. Распределение сторонников различных идеологических позиций также представляется достаточно репрезентативным. В 2009 г., например, по оценкам респондентов, соотношение «самобытности (особого пути России)», «либерализма», «социализма» выглядело так: 5 : 3 : 1, в 2012 г. — 2 : 2 : 1. По всем социологическим опросам последних 15–20 лет число сторонников идей социализма среди молодежи, в том числе среди студенческой молодежи, мало и все более сокращается. И 3–4 % в наших опросах были вполне прогнозируемой величиной. Поэтому рост числа сторонников социалистических идей — феномен неожиданный, хотя говорить о возможном «ренессансе социализма» вряд ли правомерно, скорее речь может идти о растущем значении для студенчества идеи справедливости. Постепенно изменяется соотношение сторонников либеральных рыночных реформ и особого «российского» пути (их соотношение по результатам мониторинга в 2007 г. — 1 : 1,6, в 2009 г. — 1 : 1,5, в 2012 г. — 1 : 1). В условиях длительного существования кризисных проявлений в различных сферах жизни российского общества, с одной стороны, и в связи с успехами на нефтяном рынке, с другой стороны, иллюзии по поводу некоего «особого пути» получали широкое распространение. Но уже по итогам 5-го этапа мониторинга было высказано предположение: «Сохранится ли это на перспективу — сказать трудно; по крайней мере, иллюзорные представления на начальном этапе мирового кризиса, что его негативные социальные последствия «нас обойдут стороной», не оправдались». Для правильного учета отмеченного соотношения и его изменения важно подчеркнуть, что идеям либерализма не удалось увеличить число своих сторонников в студенческой среде. Жизнь все более явно говорит о реальности процесса глобализации — с ее, как выясняется, не только позитивной стороной. Учтем и то, что выбор того или иного идеологического ориентира у многих респондентов не являет-

ся чем-то устойчивым, глубоким, связанным с осмысленной жизненной позицией, убеждениями.

Конкретизацией и серьезным содержательным наполнением идеологических предпочтений и ориентаций выступает аксиологический компонент гражданской культуры студентов — их представления о свободе, равенстве и демократии.

Какое содержание вкладывают в понятие «свобода» студенты? Сравним ответы участников федерального исследования (2007 г.) и результаты 6-го этапа мониторинга, где был дополнен инструментарий опроса (табл. 3).

Достаточно заметно, что структурно представления студентов не очень изменились. Но почти по всем параметрам активность респондентов несколько снизилась. Исключение составляют два параметра — «возможность выбирать руководство и влиять на законодательство» и «способность не подчиняться закону, если он не нравится», которые в 2012 г. выделило большее число респондентов. И все-таки можно говорить об устойчивых представлениях студенческой молодежи о свободе: определяющей для молодых людей выступает способность принимать решения самостоятельно, независимо; весьма значим и экономический смысл свободы (возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь); относительно низка ориентация на гражданский смысл свободы.

Таблица 3

Как вы понимаете, что такое свобода? (%)

Варианты ответов	2007	2012
Независимость в выборе жизненной позиции	67	53
Возможность самостоятельно обеспечивать себя средствами на жизнь	50	44
Возможность принимать самостоятельные решения с учетом общих законов	50	40
Наличие (и возможность реализации) неотъемлемых прав и свобод	33	26
Способность не обращать внимания на обыденность	28	20
Возможность выбирать руководство и влиять на законодательство	18	23
Действие в соответствии со своими убеждениями	8	8
Способность переступать через общественные ограничения и запреты	6	5
Способность не подчиняться закону, если он не нравится	4	6

Ответы студентов показывают, что на вербальном уровне знания, понимания приоритетное значение получают позитивные параметры свободы, имеющие определенный прагматический характер. На втором месте по приоритетности понимание неотъемлемости прав и свобод, что представляет отличительную черту именно гражданского общества в его цивилизационной интерпретации, а также такая характеристика внутреннего состояния человека, как способность не обращать внимания на обыденность, подняться над прозой и рутинной повседневной, обыденной жизни. Вероятно, это вполне естественная ориентация для молодых интеллектуалов, которыми, хотя бы в какой-то мере,

являются студенты. В этом же блоке и прагматическое понимание свободы как возможности воздействовать на что-то: выбирать руководство и влиять на законодательство. Незначительное число сторонников получило понимание свободы, связанное с убеждениями человека, с его нравственными ориентирами жизнедеятельности, с тем, что Кант называл «нравственный закон во мне». В качестве положительного результата следует особенно отметить, что совершенно незначительно число сторонников понимания свободы как вседозволенности (переступать через общественные ограничения и не подчиняться закону). В целом студенты продемонстрировали достаточно высокий уровень гражданской культуры в понимании ее базисной ценности — свободы.

В социологии свободу соотносят с социальным контролем: свобода не противостоит правовым и нравственным нормам; она не беспредельна и ограничена правом на свободу другой личности; свобода неотделима от ответственности; она предполагает внутренний самоконтроль — определение для себя тех границ и рамок, за которые человек не может выйти; свобода — это самостоятельный выбор человеком жизненного пути, моделей поведения, конкретных жизненных решений. Бытующее противопоставление социального контроля и свободы ошибочно в обоих крайних (односторонних) вариантах: контроль = ограничение свободы; свобода = бесконтрольность. Проблема свободы и социального контроля особенно значима в периоды кардинальных социальных изменений. Возникает чрезвычайно сложная для человека и общества ситуация. Старые (тоталитарные) нормы и механизмы социального контроля рушатся, новые (демократические) еще не утвердились. В обществе возникает правовой (шире — социальный) беспредел, а на уровне человека — ценностно-нормативная дезориентация. В итоге путь от запретительного типа социального контроля («запрещено все, что не разрешено») к разрешительному («разрешено все, что не запрещено») на деле порождает ориентир вседозволенности («все разрешено!»). Поэтому у многих возникает тоска «по порядку», «сильной руке». Нельзя сбрасывать со счета и то, что тоталитаризм и авторитаризм, ограничивая свободу личности, в чем-то снимали с нее бремя ответственности. Такая модель поведения, когда выбор предписан, для многих молодых людей была удобна своей определенностью, ясностью, ненужностью принимать самостоятельные решения и отвечать за них. Соотношение свободы и выбора порождает и непростые проблемы: всегда ли человек готов выбирать? Имеет ли он достаточную информацию? Обладает ли он необходимыми навыками и умениями для избранной сферы или вида деятельности? Да и где гарантии, что выбор правильный? Не придется ли ему сожалеть о выборе? И наконец, альтернатива выбора должна смениться каким-то одним определенным решением. А оно превращает другие варианты выбора в нереализованные возможности. Не будет ли человек сожалеть о них? Не попытается ли вернуться к ранее отвергнутым вариантам? Выясняется: свобода не означает — делай все, что хочется. Да и хотеть быть свободным еще не значит стать им. Свобода — плод серьезных усилий. Но пока, как показывают социологические исследования, свобода как базовая ценность культуры гражданственности не входит в число ведущих ориентаций молодежи.

Большое значение имеет для гражданской культуры и такая ценность, как равенство. На 6-м этапе мониторинга мы стремились выяснить, как студенты понимают равенство. Эмпирические исследования не подтверждают довольно распространенной точки зрения, согласно которой российский менталитет отличает склонность к уравнилельности, а россияне только и мечтают о том, чтобы «все отнять и поделить». Вместе с тем, исходя из данных, полученных социологами, можно сделать вывод, что российское общество является умеренно традиционалистским. Мнения по поводу того, что важнее — уважение к сложившимся традициям, следование тому, что принято большинством, или инициатива, предприимчивость, поиск нового, делятся почти пополам с небольшим (3–5 %) перевесом сторонников первой точки зрения.

Налицо позитивные изменения и продвижение к более глубокому пониманию равенства в соотнесении его с равенством возможностей и плюрализмом (табл. 4). Но сохраняется и пока преобладает противоречивая трактовка равенства, сочетающая понимание иллюзорности, несбыточности полного равенства в реальной жизни с нечетким пониманием мерности этого феномена. Наиболее принимаемое сегодня — и это качественная характеристика нового поколения россиян — отрицание уравниловки, псевдоравенства. Получает распространение и идея равных стартовых возможностей. При этом для девушек эта идея чуть более значима (возможно, сказывается то, что в реальной жизни именно они чаще сталкиваются с неравными стартовыми возможностями).

Таблица 4

Как вы понимаете, что такое равенство? (2012 г., %)

Варианты ответов	Σ
Равенство — это	
— равные стартовые возможности для всех	38
— иллюзия: полного равенства условий жизни быть не может, но к нему надо стремиться	35
— плюрализм: надо терпимо относиться ко всем мнениям, взглядам, позициям, никакие из них нельзя запрещать	27

Фундаментальная ценность гражданского общества — демократия (как оптимальный — в сравнении с авторитаризмом и тоталитаризмом — политический режим). При этом особо выделяются: характер запретов, осуществляемых властью; отношение людей к власти; характер политического поведения власти и масс. Для социологии демократия — это: вопрос прав, обязанностей, процедур, гарантирующих права и обеспечивающих положение, при котором обязанности выполняются или могут быть выполнены; система, где основные руководители избираются при помощи выборов, в которых имеет право участвовать основная масса населения; система взаимодействия индивидов, регулируемая сетью представляющих интересы групп внутри данного общества социально-политических институтов — с целью установления общего согласия; конкуренция групп и одновременно баланс влияний. Каждому индивиду предоставляется

право политического влияния. Но это влияние реально значимо лишь в том случае, если индивид присоединяется к группе. В ней находит свое воплощение единство свободы и социального контроля, это — свобода, ограниченная законом. Различия в компетентности, способности брать на себя ответственность, умении принимать решения — необходимые предпосылки эффективного функционирования общества, его политической системы и политической культуры. Итак, демократия весьма многогранное, многоаспектное явление. Утверждение такого понимания демократии — процесс длительный и противоречивый.

В главном структура понимания демократии сохранилась (табл. 5). И в приоритетах — возможность граждан влиять на решение вопросов управления государством, свобода личности; и в недооценке ряда важных параметров демократии — свободы слова, мнений, СМИ; ответственности и подконтрольности власти; учета интересов меньшинства. Сохранились и незначительные различия по гендерному признаку: у юношей чуть сильнее акцентируются прагматические аспекты понимания демократии, у девушек — гуманитарные и социальные. За годы рыночных реформ так и не удалось сформировать у студенческой молодежи (родившейся и выросшей в эти годы) понимание взаимосвязи демократии и экономического благополучия, демократии и частной собственности. Но вряд ли в этом стоит обвинять саму молодежь. Скорее она реалистична в оценке низкой эффективности этих (явно затянувшихся реформ). Акцент на свободу личности (отмечен в более трети ответов респондентов) отражает растущее понимание значимости автономности личной жизни. Впрочем, продолжает действовать и стереотип допустимости вмешательства в частную жизнь (что в определенной мере проявляется в акценте на законность и порядок).

Таблица 5

Что, на ваш взгляд, является самым главным в демократии? (2012 г., %)

Варианты ответов	Σ
Возможность граждан влиять на решение государственных вопросов	46
Свобода личности	36
Законность, правопорядок	28
Власть народа	27
Равенство прав и свобод	25
Свобода слова, мнений, СМИ	19
Ответственность и подконтрольность власти	11
Частная собственность	7
Учет интересов меньшинства	7
Это условие и предпосылка экономического благополучия	4

И тут возникает необходимость обратиться к правосознанию студенчества. Права и свободы личности являются системной характеристикой гражданского общества, а развитие правосознание — важнейшим элементом гражданской

культуры. Приоритет права — то, без чего гражданское общество в реальности невозможно. Не случайно с понятием гражданского общества тесно коррелируется понятие правового государства. При этом важно понимать дуалистическую природу права: «Право, ограничивая личную свободу, должно в то же время и обеспечивать ее. Иначе оно вырождается в насилие и деспотизм. Свобода, которая ограничивается, но и обеспечивается правом, называется гражданской свободой» [1, 41]. Для личности и социальной общности право предстает непосредственно в виде законов. Поэтому основной компонент правосознания — отношение к закону. Оно реализуется, как и многие другие компоненты культуры гражданственности, в трех взаимосвязанных аспектах: гносеологическом (знание законов), аксиологическом (ценностное восприятие законов), праксиологическом (следование законам в поведении).

Каждый из этих аспектов в реальной жизнедеятельности разных личностей, общностей и социума в целом может иметь широкий диапазон уровня и направленности: от глубокого знания законов до поверхностного знания и даже до полной правовой неграмотности и неинформированности; от позитивной оценки законов (как справедливых, своевременных, полезных, защищающих права человека) до негативной (как несправедливых, устаревших, ненужных, ограничивающих права человека); от неукоснительного следования законам до избирательного отношения к ним и даже до прямого нарушения их. Возможен и разрыв в уровне развитости отмеченных аспектов, когда хорошее знание закона не исключает правонарушение или негативная оценка закона используется как аргумент для избирательного его применения. Но отношение россиян к закону и сегодня остается крайне противоречивым. С одной стороны, скорейшее восстановление законности и правопорядка в стране абсолютное большинство россиян считает главным и безусловным приоритетом. Это закономерная реакция общества на разгул преступности, произвол и коррупцию властей, хаос и неопределенность затянувшегося переходного периода. С другой стороны, справедливо обвиняя власть в беззаконии, россияне именно с ней связывают свои надежды на восстановление (наведение) порядка и снимают с себя ответственность за соблюдение закона. Иначе говоря, естественное стремление людей к стабильности и законному порядку не сопровождается пока готовностью общества собственными усилиями добиваться его установления; неукоснительное соблюдение закона не стало императивом личного поведения, это требование люди склонны адресовать скорее другим, нежели самим себе. Амбивалентность постсоветского сознания отмечают многие специалисты: людей тяготят беззаконие и беспорядок и в то же время не привлекает жизнь по закону. Такие ментальные установки существенно тормозят становление гражданского общества, усугубляют атомизацию общества, усиливают взаимную отчужденность и подозрительность.

На 6-м этапе мониторинга (2012 г.) из всего разнообразия вопросов, позволявших выявить уровень правовой культуры студенчества, мы ограничились одним — отношение к допустимости нарушений закона (табл. 6). Каково же мнение респондентов данного этапа мониторинга по этому вопросу, что изменилось в оценках студентов за 5 лет?

Таблица 6

Как вы считаете, допустимы ли нарушения законов? (%)

Варианты ответов	Σ
Нет, закон всегда закон	32
Да, если закон ограничивает права личности	26
Да, многие законы непонятны, поэтому часто нарушаются	15
Да, во имя пользы дела	17
Да, во многих законах заложены невыполнимые нормы	14
Да, из-за быстрой смены законов	7

Сделанное в 2007 г. тревожное обобщение, что в ответах студентов отражается одна из самых глубоких и серьезных проблем становления гражданского общества и гражданской культуры — отношение к закону как к чему-то необязательному — остается справедливым и спустя 5 лет. Правда, отметим и позитивный момент — доля «законопослушных» выросла в 1,4 раза. Но то, что сегодня «законопослушных» не 1 из 4, а 1 из 3, не снимает остроты проблемы. Сохранился и определенный перекося по полу: девушки демонстрируют более законопослушное поведение.

Мотивация нарушения закона выглядит в некоторых обоснованиях прагматично («Ради пользы дела»), а в некоторых даже имеет гуманистическую видимость («Если закон ограничивает права личности»). Вероятно, имеют реальное основание и мнения студентов о непонятности законов как о причине нарушения их. Действительно, законодатели нередко забывают разумное правило Т. Гоббса: «Хороший закон — это тот, который необходим для блага народа и одновременно общепонятен» [3, 270]. И все же за позицией многих студентов о необходимости соблюдения законов маячит страшная формула: «Цель оправдывает средства». Пока значительная часть населения, особенно студенческой молодежи, относится к закону именно так, гражданское общество и развитая гражданская культура будут оставаться скорее мечтой, нежели реальностью.

В итоге и в 2012 г. приходится констатировать, что слишком медленно преодолеваются зафиксированные ранее серьезные перекося в правовом сознании студенчества:

- распространение правового нигилизма;
- усиление неуважения к закону, правовым нормам (каждые 2 из 5 респондентов соотносят свободу с неподчинением закону или считают возможным во имя выгоды его обойти; для каждого третьего основной критерий свободы — совесть, а не закон);
- переход от бездумного исполнительства к неисполнительности как результат смены одного типа социального контроля (основа — запреты) другим (основа — самоконтроль);
- нарастание антиавторитарных настроений, отрицание любых ограничений, норм;
- усиление ситуационного подхода в оценке правонарушений, когда более

двух третей респондентов считают, что существуют ситуации, где совершение правонарушений допустимо.

1. *Витте С.* Перепутье // Новое время. 1994. № 32. С. 38–43.
2. *Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т.* Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6. С. 26–36.
3. *Гоббс Т.* Соч. : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 270.
4. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт // Иностран. лит. 1993. № 4. С. 241–242.
5. *Каган М. С.* Гражданское общество как культурная форма социальной системы // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 47–61.
6. *Коган Л. Н.* Теория культуры. Екатеринбург, 1993.

Статья поступила в редакцию 13.06.2012 г.

УДК 316:364-32 + 378.115.15

М. В. Певная

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВОЛОНТЕРСТВА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВУЗА

Анализируются различные научные подходы к исследованию значения волонтерства в вузовском образовании. Представлены результаты эмпирического социологического исследования — опроса студентов ведущих вузов Свердловской области, позволяющие раскрыть потенциал волонтерства в социализации и профессионализации российского студенчества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: волонтерство, добровольчество, образование, студенчество.

Популярность волонтерства и распространенность волонтерских практик в различных странах свидетельствуют о том потенциале, который сегодня используется и может быть использован для позитивного развития различных общностей и решения целого ряда социальных проблем.

В научном дискурсе понятия «волонтерство» и «добровольчество», как правило, равнозначны. Очень часто это находит отражение в различных источниках, когда авторы используют понятия как синонимы. Однако на первый план в данной статье мы ставим «волонтерство» в силу таких причин, как широкая международная распространенность термина «волонтерство» в сравнении с «добровольчеством»; глобальный уровень использования этого термина; масштаб самого феномена.

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института фундаментального образования Уральского федерального университета (e-mail: Nauka_fgo@gmail.com).

© Певная М. В., 2012